

О. А. КЛИМОВА,  
Литературный музей писателей Урала  
Е. Г. КЛЕВЦОВА  
Уральский университет

## ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ГОРОДА В НАРОДНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ

(по материалам экспедиций  
70-х годов XX века в г. Касли)

В современном фольклоре городов и поселков Урала значительное место занимают прозаические произведения нескказочного характера. Научный интерес к нескказочной прозе в настоящее время достаточно велик, круг вопросов, к которым обращаются исследователи, разнообразен.

Все жанры фольклора объединены в стройную систему, она не является чем-то неизменным, а постоянно развивается. В динамике находятся ее отдельные звенья — жанры: «Мы знаем, что жанровые системы не неподвижны, что любой жанр есть определенное состояние, явившееся результатом исторического развития, и что он находится в процессе дальнейшего развития»<sup>1</sup>. Изучение современного состояния фольклора на уровне жанровой специфики связано с изучением проблем исторической поэтики фольклора в целом; обращение к частным проблемам, касающимся жанров нескказочной прозы, представляется возможным и научно оправданным.

В данной работе на конкретном фольклорном материале наряду с освещением сюжетно-тематического состава нескказочной прозы одного населенного пункта (г. Касли Челябинской области) будут рассмотрены некоторые идейно-эстетические особенности преданий и рассказов-воспоминаний:

- 1) отражение традиционных представлений, закрепленных в народном сознании;
- 2) проникновение в рассказы о прошлом современных социально-психологических воззрений народа;
- 3) сочетание в них исторического факта и художественного вымысла;

---

<sup>1</sup> Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории. — В сб.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 16.

4) взаимодействие информативной и эстетической функций в пределах жанра и в конкретных произведениях.

Авторы статьи пользуются методико-методологическими выводами, предложенными В. П. Кругляшовой, о художественном мире преданий, складывающемся из важнейших сфер и аспектов реальной жизни, преобразенных средствами устного народного эпического искусства; о диалектическом единстве информативного и эстетического аспектов в различных тематических группах преданий и в отдельных произведениях этого жанра; о своеобразном обновлении традиционных преданий в наши дни<sup>2</sup>.

Данный аспект изучения предполагает учет жанровой специфики сказочной прозы, проявляющейся в установке на достоверность, в обращенности к прошлому и т. д. Установка на достоверность расширяет и усиливает функциональные связи этих жанровых групп, т. е. «связи с различными социально-бытовыми институтами, с миром традиционных представлений»<sup>3</sup>. Однако не следует преувеличивать связи фольклора с бытом, ибо фольклор представляет собой вид словесного искусства. Являясь художественно-образной формой познания действительности, жанры сказочной прозы, как и другие фольклорные жанры, выражают фольклорное сознание народа, т. е. создают особый художественный мир, который рождается в результате моделирующей работы фольклорного сознания.

Этот мир обладает своими внутренними законами, которые определяются социальными, историческими, этическими и эстетическими взглядами трудового народа — его создателя, проявляющимися как в отборе фактов реальной действительности, так и в характере домысла и вымысла в сказочной прозе.

Особый фольклорный мир с его внутренними законами можно обнаружить и при анализе произведений сказочной прозы, записанных в г. Касли Челябинской области летом 1978—1979 годов, которые являются объектом рассмотрения в данной работе.

Мы рассмотрим четыремястами текстами, по которым удалось возможным проследить почти всю историю освоения этих земель, ранее принадлежавших башкирам и татарам, русскими, историю возникновения и развития завода и города Касли. В фольклорной прозе данной местности отражаются различные сферы человеческой жизни, которые определяют тематический состав ее жанров: трудовая деятельность людей, освоение новых земель, борьба за социальную свободу. Так, в преданиях и рассказах-воспоминаниях воссоздается цельная картина жизни народа в данной местности — своеобразная поэтическая летопись Каслей.

---

<sup>2</sup> См.: Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, с. 163—167.

<sup>3</sup> Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории, с. 18.

Народная история города существует параллельно с историей документальной и в некоторых моментах совпадает с ней, что еще раз доказывает существование исторической основы народных прозаических рассказов. Расхождение содержания преданий с историческими фактами, зафиксированными в книжных источниках, наглядно свидетельствует об активности творческого начала в фольклорном сознании, ведущего к появлению художественного вымысла и домысла в преданиях. И если историческая основа усиливает информативную функцию отдельных прозаических текстов, то присутствие вымысла и домысла обогащает их эстетическую наполненность.

Неписаная, устная история Каслей начинается с тематической группы преданий о том, кто прежде, до прихода русских на Урал, населял эти земли. Часть из них толкует не совсем ясное по семантике название Касли.

Стержневая фольклорная версия, объединяющая большинство текстов, объявляет земли вокруг озер Б. Касли и М. Касли исконно башкирскими и татарскими<sup>4</sup>:

«Раньше здесь были башкирские деревни: Алабуга, Ошаново, Шатыково. Жили в них башкирские рыбаки, которые работали на своих ханов. Потом приехал сюда Беленков Сергей Никитич — арендатор. Вот он и купил озера у башкир. Какое за 3 рубля, а какое — за 7 рублей. Много он озер скупил»<sup>5</sup>.

«Раньше это были башкирские земли. Башкиры — коренное население Каслей. Русские переселенцы обосновались здесь гораздо позднее, но когда — точно не известно»<sup>6</sup>.

Историческую достоверность этой версии подтверждают документальные источники<sup>7</sup>.

Среди этой группы преданий привлекает внимание сюжетный рассказ о том, как татары были обмануты основателем завода:

«Завод обосновал Демидов. Это его завод-от. На овчине он нарисовал карту и сказал татарам (они владели этой землей): Вот столько-то отдайте мне земли. А что там на овчине нарисуеть?

---

<sup>4</sup> См.: Коллекции «Касли-78», № 15, 18, 24—27, 29, 31, 34, 37, 40, 41, 44, 46; «Касли-79», № 8340—8361.

<sup>5</sup> Записано от М. А. Ремежева (1897) Н. Лукиных, С. Пилугиной. Коллекция «Касли-78», № 41.

<sup>6</sup> Записано Т. Мельниковой, Е. Клевцовой от Н. Н. Моловой (1914). Коллекция «Касли-79», № 8340.

<sup>7</sup> «В 1695 году на озере Б. Касли и на Каслинском истоке находилось несколько башкирских деревушек». — В кн.: Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1878, т. 2, вып. 4, с. 35; «Основание селения относят к 1747 году. Первый заводовладелец Коробков купил эту землю у башкир Мякотинского уезда и переселил в нее своих крепостных из Калужской губернии. Кроме них переселились на заводские работы и беглые люди, которые тоже закрепощались. Вскоре завод был продан Демидову... От Демидова завод перешел к Расторгуеву, в потомстве которого находится и до последнего времени». — В кн.: Россия. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Спб., 1914, т. 5. с. 445.

Совсем мало земли показалось татарам, они и согласились. Демидов напоил их от души. А когда опохмелились, да увидели, сколько земли оттяпал Демидов, то татары зашумели, потребовали вернуть им землю, но не на того напали. Демидов казаков вызвал, а они разогнали татар. И построил Демидов на этой земле завод. Вот что я слышал от стариков»<sup>8</sup>.

Принцип исторической достоверности уступает в данном варианте место богатой фантазии, художественному вымыслу, который опирается на реальную действительность. И предание в русле фольклорной традиции представляет татар людьми неразумными, которых умный находчивый русский мужик (в данном случае Демидов) обводит вокруг пальца.

Со стержневой версией о коренных жителях Каслей связано большинство вариантов преданий, толкующих название города. Эти тексты содержат элементы иноязычной лексики и отражают межэтнические связи в фольклоре данного населенного пункта. Стремление объявить слово «касli» татарским или башкирским, дать его осмысленный перевод проявляется как общая тенденция этой тематической группы.

1. Рассказчики считают, что в переводе с татарского (или башкирского) языка «касli» обозначает «яма». При этом к слову «яма» прилагаются определения: голубая, помойная, волчья<sup>9</sup>.

«Почему Касли так зовут? Было раньше на этом месте татарское стойбище, а озер-то у нас много, все они глубокие и красивые. Вот и называли татары озеро Касли, что по ихнему-то значит «яма». А уж потом от озера и город так был назван»<sup>10</sup>.

«Касli в переводе с татарского обозначает «голубая яма» или «голубая впадина». Так называли татары эту местность, наверное, потому, что озер было много»<sup>11</sup>.

Эти варианты перекликаются с объяснением данного топонима А. К. Матвеевым<sup>12</sup>. Отвергая соответствие названия города татарскому слову «касle» — дернистый и мансийскому «хасli» — мох (два варианта в наших записях ссылаются на эти слова)<sup>13</sup>, он наиболее вероятной считает связь топонима Касли с татарским «ка-са» — чаша: «Метафорических названий озер типа русского «Чаша» много в разных языках»<sup>14</sup>.

---

<sup>8</sup> Записано С. Мажурой, Т. Наймушиной от В. И. Кашеева (1906). Коллекция «Касли-79», № 8433.

<sup>9</sup> См. там же, № 8344, 8345, 8357; Коллекция «Касли-78», № 25, 39.

<sup>10</sup> Записано Е. Голендухиной, А. Калашниковой от Н. Ф. Чиркина (1923). Коллекция «Касли-79», № 8344.

<sup>11</sup> Записано Н. Лукиных, С. Пилюгиной от И. Д. Дуракова (1910). Коллекция «Касли-78», № 39.

<sup>12</sup> См.: Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980, с. 130.

<sup>13</sup> См.: Коллекция «Касли-78», № 25, 26.

<sup>14</sup> Матвеев А. К. Географические названия Урала, с. 130.

II Другие информанты возводят название города к иному переводу: Касли — «волчья голова» или «большая голова»<sup>15</sup>. Далее следует объяснение уже семантики русского перевода: вспоминают о прошлом богатстве местного края пушным зверем (в том числе и волками), которого к настоящему моменту почти истребили.

III. Традиционным является возведение названия населенного пункта к имени его основателя или первого жителя. Рассказы о первопоселенце, от имени которого образовалось название города, весьма неоднородны.

1. Касли — так звали первого поселившегося здесь человека, татарина или башкира по национальности<sup>16</sup>.

2. Касли — имя татарского хана, проходившего здесь с ордой<sup>17</sup>.

3. Касли — имя, образованное русскими от башкирского имени Костей<sup>18</sup>, или от татарского Асель:

«Почему Касли так называют? Раньше стояло здесь иго татарское. Первым основался татарин по фамилии Асель. А Екатерина I определила это место под высылку. Основались люди из России. Непонятен им был язык татарский. И переделали они «Асель» в «Касли»<sup>19</sup>.

Таким образом, обнаруживается активная вариативность преданий, связанных с названием города, которая обусловлена разнообразием этимологических и ономастических объяснений непонятого русским словом «Касли». Толкование названий в произведениях сказочной прозы — сфера, которая допускает наибольшую возможность вымысла и домысла на этапе формирования, складывания народных представлений, закрепляющихся традицией.

Тематический состав преданий о начале Каслей не исчерпывается вариантами, рассказывающими о нерусских коренных жителях. Легко обнаружить в этой группе преданий устойчивый мотив основания поселка русскими ссыльными на необжитых местах.

«Говорят, что раньше здесь были высылки, и некоторые люди остались жить постоянно. Вот они-то были первыми жителями этой местности»<sup>20</sup>.

Факт пребывания в этих местах ссыльных и беглых подтверждает В. П. Семенов-Тянь-Шанский. С беглыми связывают рассказы и происхождение коренных фамилий жителей города<sup>21</sup>.

<sup>15</sup> См.: Коллекция «Касли-79», № 8340, 8343.

<sup>16</sup> См.: Коллекции «Касли-79», № 8353, 8358, 8424, 8427, 8431; «Касли-78», № 30, 32, 33, 36, 37, 44.

<sup>17</sup> См.: Коллекция «Касли-79», № 8358, 8360.

<sup>18</sup> Коллекция «Касли-79», № 8342.

<sup>19</sup> Записано Е. Голендухиной, А. Калашниковой от К. Т. Сесекина (1906). Коллекция «Касли-79», № 8345.

<sup>20</sup> Записано И. Сукиной, В. Медюха от И. М. Щербакова (1911). Коллекции «Касли-78», № 20; «Касли-78», № 15, 18, 24—27, 29, 31, 34, 37, 40, 41, 44., 46; «Касли-79», № 8340—8361.

<sup>21</sup> Коллекция «Касли-79», № 8354, 8355.

«В Каслях раньше в основном башкиры жили. А потом здесь появились переселенцы, беженцы. Они образовали первые русские поселения. Выбрали старосту. А народ такой был, не знал ни фамилии, ни имя. Староста решил всех переписать. Первый мужик приходит, такой нечесаный, нестриженный, без пояса, рубаха торчит. Староста спрашивает его фамилию, а он: не знаю. Ну староста и говорит: «Ворона!». Вот тебе и фамилия Воронин. Другой приходит не лучше первого, да еще без креста. Староста дает ему фамилию Бескрестный. И так дальше»<sup>22</sup>.

В соответствии с жанровой спецификой в данном тексте присутствует объяснительное начало (для преданий свойственно стремление дать ответы на вопросы как? почему? откуда?), но активную роль играет здесь творческий вымысел, направленный на выполнение конкретной задачи, — дать определенную информацию. В. П. Аникин верно отмечает, что в преданиях «и вымысел, и поэтические подробности служат объяснению реальных фактов, передаются и воспринимаются как правдоподобные»<sup>23</sup>.

Взгляд исполнителя и слушателя на предание как достоверный источник знания о прошлом удерживает взлет творческой фантазии, ограничивает ее установкой на достоверность. Забота о сохранении достоверности повествования препятствует богатому развитию домысла. Но и в пределах данного жанра может возникнуть вымысел не только реалистического характера, который не разрушает, а, напротив, укрепляет историко-информативную функцию предания, но и фантастический вымысел. Тогда появляются предания легендарного типа. Такого рода предания обнаружены в данной тематической группе. В них появление на земле Каслей мыслится как результат созидательной деятельности высшей силы. Но поэтическая и фантастическая формы не скрывают основного назначения и этого рассказа — объяснить реальный факт, например, объяснить такую деталь, как изогнутость каслинских улиц:

«Бог и черт поспорили, кто сильнее. Черт держал в руках камешки, а бог — ленты. Черт камешки подкинул, они на землю упали, и получились Уральские горы. А бог кинул ленточки на землю, и сразу город раскинулся. Ленточки — улицы. Те ленточки, которые изогнутыми упали, изогнутые улицы и образовали. Видели, как Труда, Луначарского извиваются? Это как раз те ленточки»<sup>24</sup>.

---

<sup>22</sup> Записано Т. Наймушиной, С. Мажурой от А. Н. Зацепина (1914). Коллекция «Касли-79», № 8356.

<sup>23</sup> Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, т. 13, с. 7.

<sup>24</sup> Записано М. Чудиновских, О. Смирновой от Р. В. Бельниковой (1939). Коллекция «Касли-78», № 17.

Следующая тематическая группа преданий, рассказывающих об истории города, посвящена строительству в Каслях завода и его владельцам. События, о которых вспоминают информанты, происходили более двухсот лет назад. Временной фактор оказал значительное влияние на сохранность и бытование традиционных представлений народа о начале завода. Уменьшилась историческая, фактологическая ценность преданий, усилилась их эстетическая функция. Конкретные тексты доказывают, что в формировании взглядов современного местного населения на историю своего города активно участвовали как письменные, документальные исторические источники, так и устная фольклорная традиция. Достоверные сведения о времени возникновения на башкирских землях русского заводского поселка содержатся в старых географических и исторических описаниях и в современных популярных исторических очерках<sup>25</sup>. Наличие документальных источников позволяет некоторым рассказчикам указывать точную дату образования каслинского завода, верно и последовательно называть имена его хозяев<sup>26</sup>.

«Раньше здесь был остров. Да и сейчас, куда ни пойдешь — везде вода. Выселка здесь была, на острове жили ссыльные. Не знаю, чем они тут занимались. Может, рыбу ловили или еще что-нибудь. Государство купило у башкир этот остров. Башкирам-то простор нужен. У них кони. А остров-то всего семь на семь километров. Тесно им было. Потом Коробов построил здесь прокатный завод в 3 печи. И вроде бы за долги продал его Демидову. Выпускал завод листовое железо. Литье очень качественное было, потому что печи работали на древесном угле, березовом. Руду железную привозили из Каменск-Уральского на подводах. Лошадей очень трудно было переправить по воде. Нужен был путь. Тогда Демидов собрал всех лошадиников и дал приказ ссыпать землю в озеро. Сделали насыпь. Позднее решили дорогу расширить, да и озеро мельчало. Дорога еще шире стала. По этой дороге мы въезжаем в Касли сегодня»<sup>27</sup>.

«Первый построил завод Коробков; тульский купец. Демидов его купил, затем завод перешел к Расторгуеву, а потом — государству. Демидов закупил крестьян на стороне и давал им свои

---

<sup>25</sup> «Каслинский завод построен в 1746—1750 годах тулянином Яковом Коробковым на башкирских землях по контракту, заключенному с Оренбургской канцелярией. В 1752 г. Коробков продал его статскому советнику Никите Никитичу Демидову... После 1805 года перешел во владение купца Расторгуева». — В кн.: *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии, т. 2, вып. 4, с. 36; *Репин М. Е.* Касли. Челябинск, 1940; *Елфимов Ю. Н.* Каслинские мастера. Челябинск, 1977.

<sup>26</sup> См.: Коллекции «Касли-79», № 8415, 8408, 8409, 8420.

<sup>27</sup> Записано Т. Наймушиной, С. Мажурой от А. Н. Зацепина (1914). — Там же, № 8431.

фамилии, например: Хорошенин — хороший работник, Голов — бедный крестьянин»<sup>28</sup>.

Фольклорная традиция вносит в каслинскую несказочную прозу характерные обобщения, ассоциативные связи, перенос событий по аналогии из одного места в другое. Вследствие этого обнаруживается смещение временных понятий (Демидова оставляют владельцем завода до самой революции), искажение исторических фактов. Подобные явления можно объяснить конкретно-историческими условиями воспроизведения и действием некоторых социально-психологических факторов на формирование и закрепление определенных представлений в народе. Наиболее значимым мы считаем фактор отбора материала по его идейно-эстетической значимости. Более четко и исторически верно в памяти народа, а следовательно, и в устных рассказах фиксируется то, что наиболее ярко для эмоционального зрения, остро для восприятия в отрицательном или положительном смысле. Возможно, этим объясняется и тот факт, что, вспоминая хозяев завода, немногие каслинцы говорят о тульском купце Коробкове, который первым купил у башкир эти земли. Многие о нем ничего не слышали. Но почти каждый житель Каслей знает о заводчике Демидове. Почему о Демидове помнят так долго? Члены этой семьи уральских заводчиков «прославились» своими тайными, темными делами, большими богатствами и безграничной жестокостью. Рассказы об усиленной эксплуатации рабочих на демидовских заводах, о зверских расправах хозяина распространились по всему Уралу. Их сюжеты стали традиционными. И в Каслях, расположенных за двести километров от Невьянска, где тоже были демидовские заводы, появляется сюжет о чеканке фальшивых денег в подземельях Невьянской башни, о затоплении там по приказу Демидова многих рабочих.

«Демидов был родом из купцов, его заводы были в Каслях, Кыштыме. Карпинский был управляющий заводов. Завод начали основывать на Зюзелке. Зюзелка — татарское название, заводская речка, на ней сгрудили завод, построили. У Демидова до Иртыша были заводы. Работали там прикованные цепями, так как ковали монету. А раз приехали с города, так рабочих расковали и работу другую дали, чтобы не показать, чем они по-настоящему занимаются. Где-то было, рассказывают, люди работали в Невьянской башне и ковали монету. Приехало начальство, и, чтобы не показать, что они коуют монету, всех затопили»<sup>29</sup>.

Параллельно с этим традиционным сюжетом встречается его вариант о затоплении людей уже в подземных ходах Каслинского

---

<sup>28</sup> Записано Е. Олокиной, Г. Павленко от П. С. Мещерякова (1948). — Там же, № 8420.

<sup>29</sup> Записано Л. Юшковой, М. Семочкиной от А. П. Беленькова (1909). Коллекция «Касли-79», № 8428.



и Кыштымского заводов, о погребении их живыми в земле на строительстве Кыштымского канала<sup>30</sup>.

В уральских преданиях фигура заводчика Демидова вырастает до символа деспотии и угнетения: «Издевался Демид над людьми страшно», «У Демидова была кузница, и кузнец был прикован на цепях»<sup>31</sup> — вот постоянные мотивы преданий о нем. Ярким примером жестокости и своеволия заводчика можно считать следующий рассказ:

«От Темного прудка Демидов велел канал прорыть — хотел баржи тут пустить. Люди вымотались вконец, болели. Бывало, заболел человек, а Демидов мимо:

— Что не работаешь, собака?

— Не могу, заболел.

Ударят с заду его ломком, да и зароят»<sup>32</sup>.

Однако фольклорный образ Демидова в каслинских преданиях (как и в уральских преданиях в целом<sup>33</sup>) не исчерпывается только негативной характеристикой: сохранились рассказы о кузнечном мастерстве старшего Демидова:

«Сказывали отцы. Давно было, не в наших краях. Демидов был простой кузнец. Царь ехал в годах 1700—1800 со своим денщиком Меньшиковым. У денщика испортился пистолет, и говорит он: «Найдите мастера, который сделал бы пистолет». Все указали на Демидова. Сделал он такой же пистолет, как старый, и старый починил. Подали старый и новый пистолет Меньшикову, тот не мог свой узнать, сделано было отменно. Его царь призвал, сказал: «Подбирай место и строй завод». Демидов выбрал Касли»<sup>34</sup>.

Значимость фигуры первого Демидова для развития металлургической промышленности на Урале, его деловые качества, умение руководить признаются народом и закреплены фольклорной традицией. Порою хорошее знание дела осмысливается в ней как результат контакта с нечистой силой, и тогда рождается предание с фантастическим мотивом, призванным объяснить многие реальные факты: и источник богатства хозяина, и его «везучесть», и, может быть, жестокость:

«Демидов знался с чертом. Черт ему все руды и золото указывал. Черт у него сидел в маленькой шкатулочке, которую Демидов всегда с собой носил»<sup>35</sup>.

Помимо отрицательной или положительной характеристики

---

<sup>30</sup> См. там же, № 8435, 8423.

<sup>31</sup> Коллекции «Касли-78», № 110—113; «Касли-79», № 8429, 8423, 8435.

<sup>32</sup> Записано М. Манихиной, О. Капустиной от А. П. Беленькова (1909). Коллекция «Касли-78», № 110.

<sup>33</sup> См.: Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 128—130.

<sup>34</sup> Записано Л. Юшковой, М. Семочкиной от А. П. Беленькова (1909). Коллекция «Касли-79», № 8427.

<sup>35</sup> Записано М. Чудиновских, О. Смирновой от Н. Б. Бескrestнова (1895). Коллекция «Касли-78», № 107.

заводчика Демидова можно обнаружить в каслинских преданиях особое отношение к нему рабочих — от ненависти до иронии, насмешки:

«Ну вот, тятенька мне сказывал: соберутся они, бывало, трое родных братьев, поедут в город Куса или Златоуст. Демидушка им закажет пилы привести. Привезут они пилы, придут домой и все смеются над ним: «Демидушка-то наш ни холеры не понимает. Хорошие пилы привезли, мелкие — ему не нравится. А большие, неуклюжие — ему хорошо, нравится, что больше только»<sup>36</sup>.

Люди труда, прежде всего ценившие талант и умение, знание секретов тонкой и изящной работы, презирали тех, кто мало разбирался в производстве, смеялись над своими хозяевами, над иностранными управляющими. Об отношении жителей рабочего города к труду, к мастерству как источнику красоты, проявлению таланта русского народа можно судить по тому, с какой любовью говорят они о мастерах художественного литья, о прочности, красоте изделий их рук. Эти рассказы образуют небольшую по количеству, но очень важную по содержанию тематическую группу преданий о трудовом мастерстве рабочих каслинского чугунолитейного завода. Сохранилась в Каслях память о Василии Торокине — одном из первых художников-литейщиков<sup>37</sup>.

«Хороший мастер в Каслях жил — Торокин. Когда узнал, что за его поделки большие деньги хозяину дают, захотел он сына выучить, надеясь на милость. А ему сказали: «А что же наши сыновья будут делать, если ваши учиться станут?». Михаил Васильевич, сын его, уже при советской власти жил, человек талантливый. Уважали его. А раньше-то талантливых людей и не ценили. Человека в человеке не видели»<sup>38</sup>.

С именем Василия Торокина связывают жители Каслей в своих рассказах и появление знаменитого каслинского «сувенира с секретом». Среди старинных изделий каслинского завода широко известен рельеф-портрет царей Александра III и Николая II, который при внимательном взгляде под определенным углом превращается в изображение головы лошади<sup>39</sup>. Автор этой выдумки неизвестен, но народная молва считает, что это дело рук Василия Торокина.

«Торокин — смелый, умный, находчивый человек. Очень большой мастер своего дела, очень быстро отливал вещи. Есть настенное бра, которое считают делом рук Торокина. Оно с одной сторо-

---

<sup>36</sup> Записано Т. Пыриной, С. Климовой, М. Калашниковой от Е. К. Маловой (1900). Коллекция «Касли-78», № 119. Те же мотивы в преданиях № 8422, 8332, коллекция «Касли-79».

<sup>37</sup> Первые изделия художественного литья появились лишь в середине XIX века. См.: *Елфимов Ю. Н.* Каслинские мастера.

<sup>38</sup> Записано Т. Пыриной, О. Климовой от А. М. Дуракова (1942). Коллекция «Касли-78», № 53.

<sup>39</sup> См.: *Елфимов Ю. Н.* Каслинские мастера, с. 39—41.

ны представляет собой императора, а с другой — конскую голову. Это выдумка мастеров. Эта вещь находится в музеях Свердловска, Оренбурга и в других городах»<sup>40</sup>.

Каждый рассказ рабочих о секретах мастерства, о неповторимости и красоте художественных изделий из чугуна наполнен искренней гордостью, что усиливает эстетическое воздействие на слушателей. Четко передается в них эмоциональный настрой исполнителей, рассказчиков преданий.

«В девятисотом году это было. Тогда в павильон ажурные блюда делали. Сейчас в музее можно такое блюдо увидеть. Прекрасное, изящное, кружевное блюдо! Так в этом павильоне самому президенту французской республики его подносили. Русский мужик в зипуне подносил. «А если женщина будет его держать? — спрашивает он у мастерового. — Или не удержит, разобьет». «Не разобьется!» — и хлоп его об пол. Все думали, что блюдо вдребезги разобьется, а оно покатилося. Как так? Чугун-то крепкий. А он, мастеровой-то, на ребро бросил, вот и не разбилось»<sup>41</sup>.

«Раньше легкий чугун был. Его только наши мастера лить могли. Бросишь блюдо наше ажурное, а оно не расколется, а только гнется. Вот какой чугун был. На древесном угле ведь все плавил, а не на коксе, как теперь. Где-то когда-то было, кто-то с кем-то спорил, может, тот же Карпинский, что чугун у нас не бьется. Так блюдо бросили, говорят, а оно не разбилось, а покатилося. Мастера раньше как работали? Боялись, что уволят, если плохо работают будут»<sup>42</sup>.

Разрабатывая один и тот же мотив прочности чугунного блюда каслинского литья, эти тексты раличаются степенью обобщения и конкретности. Первое создает определенную ситуацию имеет более динамичный сюжет, во втором сильнее проявляется оценочное начало, этический момент.

Сохраняя память обо всех выдающихся творениях каслинских рабочих, устная народная поэтическая традиция не обходит молчанием и вершину их мастерста — чугунный кружевной павильон, завоевавший первую премию на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. О тех, кто сопровождал павильон в Париж, кто был автором проекта этого кружевного чуда, есть достоверные исторические данные в книгах Б. В. Павловского, Ю. Н. Елфимова<sup>43</sup>, но только народная фантазия, которая всегда основывается на жизненных впечатлениях, воспроизвела, а память сохранила сю-

---

<sup>40</sup> Записано Л. Усольцевой, Н. Щепиной от А. Н. Бугаева (1914). Коллекция «Касли-79», № 8197.

<sup>41</sup> Записано О. А. Климовой, Т. Пыриной от А. М. Дуракова (1942). Коллекция «Касли-78», № 54.

<sup>42</sup> Записано О. А. Климовой, Т. Пыриной от З. М. Ахлюстиной (1898). — Там же, № 57.

<sup>43</sup> См.: Павловский Б. В. Каслинский павильон. Свердловск, 1979; Елфимов Ю. Н. Каслинские мастера.

жет о сборке павильона в Париже, о находчивости русских мастеровых:

«Павильон ездил на выставку. Опаздывали со сборкой. Карпинский мастеров торопит, они спешат и ругаются, а гид-француз не понимает. Спрашивает, что они говорят. Ему отвечают, что самые лучшие слова русские. А француз эти слова и вставил. Карпинский за голову схватился. Откуда, спрашивает, это? — Да ваши научили. Карпинский к ним. А мастера все ему и объяснили, да так, что сам виноватым вышел: сам подгонял, торопил, а они второпях все по рукам били, вот и ругались»<sup>44</sup>.

Так впервые встречается в каслинских преданиях имя Карпинского, бывшего управляющего заводом. Рассказы о Карпинском пользуются среди каслинцев особой популярностью и составляют достаточно большую тематическую группу. Отдельные тексты преданий говорят о том, что этого человека уважали в рабочей среде за деловые качества, смекалку, доброе отношение к талантливым мастерам<sup>45</sup>, т. е. за то, чего, по глубокому убеждению рабочих, были лишены иностранцы-управляющие из немцев и англичан. Однако и самые добрые дела заводского управляющего не смогли искоренить из народной памяти частушку, в которой Карпинский представлен типичным эксплуататором:

Управляющий Карпинский  
Разорил народ каслинский<sup>46</sup>.

Таких «карпинских» и людей, облеченных властью, более жестоких, чем он, история завода, документальная и поэтическая, знает немало. Жестокая эксплуатация рабочих завода началась с приходом первых хозяев и продолжалась до Октябрьской революции. Каслинские рабочие, вышедшие из крепостных крестьян, угнетаемые и унижаемые, не мирились со своим положением, восставали против притеснений. Об этом рассказывают предания, разрабатывающие тему социальной борьбы. Сначала это был стихийный протест, приводивший к мелким победам и жестоким наказаниям.

«Жили рабочие в бараках, спали на нарах. Ботинки у них тяжеленные были, с железными гвоздями. От Демидова стал «будила» по утрам приходить в 5 часов — будить. Все рабочие возмущаются. Один говорит: «Ладно, ребята, я сегодня ляжу на нарах к двери». Лег, а обуток положил в головы. Утром «будила» только в двери — он его обутком шлепнул, все ему расквасил. Поли-

---

<sup>44</sup> Записано О. А. Климовой, Т. Пыревой от З. М. Ахлюстиной (1898). Коллекция «Касли-78», № 59.

<sup>45</sup> См.: Коллекция «Касли-79», № 8402, 8411, 8462—8472.

<sup>46</sup> Эта частушка упоминается в кн.: Гольберг А., Волчек К. За светлую даль. Челябинск, 1957, с. 5.

ция приехала: «Кто у двери спал?». А кто ж его знает, нары-то свободные были. Так и отучил «будилу»<sup>47</sup>.

Впоследствии этот протест привел рабочих завода в ряды восставших крестьян, в отряд пугачевского военачальника Грязнова.

«Плохо жили рабочие на заводе. Их били, приковывали к тачкам, сжигали в печах, топили в прудах. Когда Пугачев на Урал пришел, то рабочие стали уходить к предводителю Грязнову»<sup>48</sup>.

Есть в каслинских текстах мотив помощи Пугачеву оружием, пушками, которые отливали на заводе:

«Рассказывают, наш завод шибко старый, но о нем далеко слава идет. Сама-то я из семьи хлебосевова, и муж у меня на поле работал, а люди говорят, что в заводе у нас Пугачеву помогали: пушки, ядра отливали. И в первую империалистическую тоже снаряды делали»<sup>49</sup>.

Для усиления достоверности рассказа о значительной помощи каслинских рабочих пугачевскому движению информант может сослаться на конкретный предмет. В данном случае им является ствол чугунной пушки, найденный в земле на глубине 3—4 метров, о котором с уверенностью сообщает один из рассказчиков<sup>50</sup>. Некоторые наблюдения над преданиями различных районов Урала позволяют сделать вывод о том, что такой жанрообразующий признак преданий, как локальность, часто обусловлен присутствием в них конкретных исторических и географических реалий (археологические находки, рельеф местности и т. д.). Они определяются природным, экономическим своеобразием: ландшафтом, богатствами земных недр, конкретным видом и характером труда местного населения. Так, в каслинских преданиях о Пугачеве отражается факт развития в этом районе чугунолитейного производства.

Подавление пугачевского восстания не ослабило сопротивления рабочих завода, их борьбы за свои права. Об этом говорят и мятежи горнозаводских крестьян в 20-е годы XIX века, которые вылились в восстание под предводительством кыштымского заводского крестьянина М. Косолапова. К сожалению, этот период обострения социальной борьбы в наших записях преданий не отражен, о нем мы узнаем лишь из печатных источников<sup>51</sup>.

Следующий этап социальной борьбы рабочих — борьба за эко-

---

<sup>47</sup> Записано М. Манихиной, О. Капустиной от А. П. Бельникова (1909). Коллекция «Касли-78», № 48.

<sup>48</sup> Записано И. Зоновой, И. Лопатьевой от В. Ф. Полякова (1931). Коллекция «Касли-79», № 8367.

<sup>49</sup> Записано Е. Олокиной, Г. Павленко от Н. Ф. Чуфаровой (1902). — Там же, № 8366.

<sup>50</sup> См.: Коллекция «Касли-79», № 8365.

<sup>51</sup> См.: Сальников К. Восстание горнозаводских крестьян. — Челябинский рабочий, 1937, 18 мая.

номические права: за отмену и уменьшение штрафов, налогов, против занижения расценок на готовые изделия — представлен в неписаной истории Каслей достаточно полно.

Часто встречается в преданиях этой тематической группы мотив вывоза заводского мастера на тачке за ворота. Это была своеобразная расправа рабочих, доведенных до отчаяния, над своими обидчиками. Эта расправа была не столько жестокой, сколько позорной: неугодных мастеров увозили на тачках за ворота и сбрасывали там, как ненужный хлам, после чего они на завод уже не возвращались<sup>52</sup>.

«Раньше рабочие плохо жили, платили большие штрафы, мастера им расценки занижали. И вот рабочие взбунтовались, на работу не вышли. Пришла администрация выяснить, а рабочие говорят: «Убрать мастеров, отменить штрафы». Администрация им пообещала, но только на словах. Рабочие вышли на работу и видят: ничего не изменилось. Тогда шибко разозлились они. Связали мастеров, повалили на тачки, выбросили за ворота заводские. Среди мастеров был Тепляков»<sup>53</sup>.

«А на тачках вывозили, было. За грубость, деспотическое отношение. Жаловаться-то некуда было. Как-то я собирала материал у старожителей по истории Каслей. Они мне рассказали о мастере, который подсиживал своих коллег. Рабочие вымазали его сажей, обвязали рогожей, вывезли на тачке. Это был огромный позор. Мастер этот на завод больше не вернулся. Делали-то так, потому что других форм борьбы еще не было»<sup>54</sup>.

Стихийная борьба рабочих переросла в организованную революционную борьбу. В несказочной прозе Каслей отражаются события предреволюционных лет, Октябрьской революции, гражданской войны. Они приближены к нашим дням по времени, живы их очевидцы. Но непосредственных участников боев за Советскую власть становится все меньше. В результате этого постепенно вливаются в жанр преданий рассказы о революции, гражданской войне. Так в каслинской прозе появляются предания о битве на Ручейных горах, где пролилась кровь борцов за революцию<sup>55</sup>, о большевиках-подпольщиках, чьими именами названы улицы города: И. Захарове и И. Ретневе<sup>56</sup>.

Значительную часть произведений несказочной прозы о революции, гражданской войне в настоящее время составляют рассказы-воспоминания, есть произведения этого жанра и в устной тра-

---

<sup>52</sup> См.: Коллекции «Касли-79», № 8412, 8417; «Касли-78», № 50, 52.

<sup>53</sup> Записано Е. Олокиной, Е. Павленко от А. В. Подергиной (1902). — Там же, № 8416.

<sup>54</sup> Записано В. Мирошниченко, Г. Шевчук от Н. И. Ершовой (1901). — Там же, № 8412.

<sup>55</sup> См.: Коллекция «Касли-79», № 8247.

<sup>56</sup> См. там же, № 8327—8329.

диции Каслей. В них легче выявить историческую основу, установить реальное соотношение факта и вымысла, ибо сохранилось большое количество документального материала. Но тем не менее эти рассказы рассматриваются нами как фольклорные произведения, в них можно увидеть не только историю как таковую, не только и не столько отражение фактических событий и правдивое изображение конкретных исторических лиц, сколько народное понимание истории, народную оценку событий и деятельности исторических личностей.

Эстетическая и историческая ценность рассказов-воспоминаний различна. Однако в произведениях этого жанра привлекает самобытная форма повествования, народный разговорный язык, народная мудрость в оценке жизненных явлений. Здесь мы ограничиваемся лишь общим обзором произведений этого жанра в каслинских записях, они могут стать предметом отдельного исследования.

Не все тематические и сюжетные группы в каслинской несказочной прозе нашли освещение в этой публикации. Почти не рассматриваются топонимические предания (за исключением тех, что толкуют название города), предания о силачах, которые разрабатывают традиционные мотивы и интересы в сюжетном отношении. Эти устные рассказы тоже вносят свой вклад в поэтическую историю города и его окрестностей, однако они слабее связаны с реальной действительностью, степень их исторической достоверности трудно определить. Они могут быть предметом изучения при более детальном исследовании сюжетно-тематического состава несказочной прозы Каслей.

Следует подвести некоторые итоги. Фольклорные материалы, записанные в г. Касли летом 1978—1979 годов, наглядно убеждают в том, что устная народная несказочная проза, бытующая на Урале, имеет значительный исторический потенциал. Это не исключает наличия в ней вымысла и домысла реалистического (редко фантастического) характера, ограниченного установкой на достоверность. Художественный вымысел все настойчивей проникает в такой жанр, как предания.

Интерес народа к своему прошлому не исчезает и обуславливает широкое распространение преданий и рассказов-воспоминаний в современности. Исполнение устных рассказов о прошлом обеспечивает необходимый человеку тип коммуникации — живое и непосредственное общение исполнителя и слушателя.

Произведения устной несказочной прозы изначально несут определенную информацию и психолого-эстетическую оценку действительности, проявляющуюся уже в отборе жизненного материала, достойного, на взгляд рассказчика, интереса собеседника. Это обуславливает наличие у них двуединой информативно-эстетической функции. Равновесие этого единства подвижно, и в конкретных случаях может преобладать та или иная его сторона.

Результатом взаимодействия народных представлений о жизни, отношения к ней в определённый конкретный исторический момент и в фольклорной традиции является фольклорно-художественный мир произведений сказочной прозы, представляющий собой модель реального мира, которая во многих моментах совпадает с объективной действительностью.